

Лобок Дмитрий Владимирович

канд. ист. наук, доцент

НОУ ВО «Санкт-Петербургский Гуманитарный

университет профсоюзов»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-22251

**«МЫ НЕ КИСЕЙНЫЕ БАРЫШНИ!» (КСЕНИИНСКИЙ ИНСТИТУТ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.)**

***Аннотация:** в предлагаемой статье впервые исследуются малоизвестные события революции 1905–1907 годов, связанные с участием в забастовочном движении воспитанниц и группы преподавателей элитного дворянского учебного заведения Санкт-Петербурга – Ксениинского института. Находившееся под покровительством представителей императорской фамилии и предназначенное для обучения полусирот из дворянских семей, данное учебное заведение долгое время считалось оплотом самодержавия. Опираясь на неизвестные ранее архивные документы, автор описывает причины выступления и развитие событий, произошедших в стенах Ксениинского института осенью – зимой 1905 года, показывает их взаимосвязь с революционными событиями в России.*

***Ключевые слова:** Ксениинский институт, ведомство императрицы Марии, профессиональные курсы, женская эмансипация, женские институты, революция, профессиональные союзы, забастовка.*

Долгое время считалось, что в стенах Ксениинского института, как и в других учебных заведениях ведомства императрицы Марии, отсутствовал даже намек на какую-либо политическую жизнь, а уж тем более на оппозицию самодержавию.

В книге П.А. Канна «Площадь Труда», автор без тени сомнения заявлял, что «в журналах правления Ксениинского института за 1905 год нет ни малейшего отголоска на происходивший в стране первый натиск революционной бури...». По мнению исследователя, революция не могла повлиять на столь

привилегированное учебное заведение: «В то время, когда революция нарастала, в тихом мирке Ксениинского института все оставалось по-старому. И служащие института, раболепно благодаря «Собственной ее императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии», принимали пожалованные им ордена и орденские знаки» [3, с. 59]

Действительно, Ксениинский институт был сословным учебным учреждением. Его воспитанницами могли стать только дочери дворян. Все образование строилось на формировании у девушек патриотизма, основанного на преданности монарху и христианской вере. Покровительство институту со стороны представителей династии Романовых давало ощущение стабильности и незыблемости существующих в нем порядков.

Официальная государственная идеология пронизывала все направления деятельности Ксениинского института. Практически каждый преподаватель при поступлении на должность проверялся на политическую благонадежность. Ведомство императрицы Марии периодически рассылало списки неугодных преподавателей, тех, кого рекомендовалось не брать на работу в учебные заведения, входящие в его состав.

Преданность преподавателей монархии была отмечена множеством орденов и орденских знаков. Решения о награждении преподавателей и служащих принимались ежегодно. Естественно, это способствовало формированию у награжденных верноподданнических чувств к монархии.

Однако за внешним благополучием и спокойствием уже вызревали протестные настроения.

Вступление воспитанниц института во взрослую жизнь опрокинуло многие наивные мечты и планы девушек. Уже первый выпуск воспитанниц профессиональных курсов Ксениинского института столкнулся проблемами в трудоустройстве.

В апреле 1904 года руководство института обратилось с письмами в женские институты и гимназии, земские управы, коммерческие банки и

железнодорожные кампании с просьбой о трудоустройстве выпускниц профессиональных курсов.

Помимо уже привычных должностей преподавателей и классных надзирательниц, выпускницы института претендовали на должности служащих в земских управах, банках и железной дороге.

Однако, появление квалифицированных женских кадров на рынке труда не вызвало восторга у потенциальных работодателей. Институты и гимназии сообщали об отсутствии у них вакансий, а большинство банков объясняли почетному опекуну Ксениинского института Александру Николаевичу Трубникову о невозможности использовать женский персонал.

Например, 28 июня 1904 года правление Санкт-Петербургского Учетного и Ссудного банка уведомило почетного опекуна А.Н. Трубникова, о том, что «банк этот, в виду устройства его помещения и организации службы в нем, не может воспользоваться службою женского персонала, почему, крайнему сожалению, банк лишен возможности представлять у себя занятия и воспитанницам Ксениинского института» [3, д. 1965. л. 37].

Похожую точку зрения на использование женского труда в финансовой сфере высказало и руководство Российского общества страхования капиталов и доходов. 30 июня 1904 года, сообщая об отсутствии вакансий для выпускниц Ксениинского института, правление общества присовокупляло, что «согласно состоявшемуся распоряжению Правления, в число служащих не принимаются лица женского пола, не достигшие тридцатилетнего возраста...» [4. д. 1965. л. 43].

Не лучше обстояло дело с трудоустройством на железнодорожном транспорте, для которого, прежде всего, и предназначались выпускницы института. 1 июля 1904 года институт получил ответ от Правления общества Китайской Восточной железной дороги. Правление сообщало, что «по крайнему сожалению оно, в настоящее время, совершенно лишено возможности прийти в сем отношении в помощь воспитанницам, так как по случаю военных действий, коммерческая деятельность КВЖД... настолько сократилась, что положительно

исключает возможность назначения в означенные отделы новых служащих» [4, д. 1965. л. 47].

Такая же ситуация сложилась и на других железных дорогах. Сложности с получением работы для своих выпускниц побуждали правление Ксениинского института к поиску новых возможностей для их трудоустройства. 27 августа в правление института поступил запрос от ведомства учреждений императрицы Марии с предложением направлять выпускниц профессиональных курсов Ксениинского института на зубоврачебные(!) курсы [4, д. 1965. л. 60].

Все эти обстоятельства сыграли свою роковую роль в событиях, произошедших в Ксениинском институте осенью 1905 года.

Справедливости ради, необходимо заметить, что первый выпуск в Ксениинском институте состоялся в разгар русско-японской войны, которая происходила в условиях экономического кризиса в России. Все это изменило рынок труда, породив рост безработицы, а значит снижение уровня жизни населения. Поиск работы для выпускниц института усугублялся отсутствием опыта трудоустройства, и непониманием специфики российского рынка труда, где женщина воспринималась только как дешевая рабочая сила, а не квалифицированный высокооплачиваемый работник. Потенциальные работодатели не были готовы брать выпускниц-девушек, не доверяя их уровню знаний, препятствуя эмансипации женщин.

Начавшаяся после событий «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года Первая российская революция, казалось, мало затронула привычную жизнь Ксениинского института, считавшегося одним из оплотов самодержавия.

К осени 1905 года революционная стихия охватила всю страну. В революционное движение вовлекались все новые и новые слои населения.

В октябре 1905 года разразилась грандиозная всеобщая политическая стачка, которая очень быстро превратилась в общероссийскую. Помимо рабочих в стачке приняла участие значительная часть интеллигенции. В городах замерло все: от заводов и фабрик до парикмахерских.

Все эти события не могли не отразиться на жизни института. Прежде всего это коснулось роста цен на обеспечение питания воспитанниц. 15 октября

1905 года, поставщик мяса купец Д.Я. Макаров сообщал в правление института о повышении цен на мясо 1-го сорта с 5 р. 80 к. до 8 рублей, а 2-го сорта с 4 р. 75 к. до 7 рублей за пуд. Причиной вздорожания признавались условия, порожденные стачкой и приведшие к прекращению подвоза мяса в Петербург [4, д. 1905. л. 181].

Особенно неуправляемой стала ситуация после Царского манифеста 17 октября 1905 года, принятого под влиянием Всероссийской октябрьской политической стачки. В манифесте народу были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. Эйфория охватила все слои населения. В последующие месяцы о необходимости реализовать свое право на свободу заявляли даже самые «верноподданнические» группы населения.

На этом фоне 16 ноября 1905 года в газете «Биржевые ведомости» появилась небольшая заметка. Она была озаглавлена «Требования институток». В заметке сообщалось: «Ученицы Ксениинского института» подали в соединенное бюро союза родителей и педагогов следующее заявление: «В переживаемое нами время, когда общество, ища свободы и правды, разбирает всевозможные вопросы, освещает все темные уголки, следует обратить особенное внимание на женские институты с их исключительным режимом, который убивает малейшее проявление самостоятельности, мысли и индивидуальности. Мы больше не кисейные барышни, мы сознаем, что учиться и развиваться в таких условиях невыносимо и всеми силами души протестуем против существующего институтского режима, против отживших традиций и рамок, которые нас душат. На основании всего сказанного, мы требуем наравне с нашими товарищами по другим учебным заведениям, автономии, дающей возможность учащимся нормально развиваться, и надеемся, что союзы учителей и родителей поддержат нас в этом справедливом требовании» [1, с. 2].

В журнале правления Ксениинского института сохранилась стенограмма, заседания правления от 17 ноября 1905 года, посвященного обсуждению выступления воспитанниц. На правлении прозвучало выступление начальницы института княгини Евгении Александровны Голицыной, которая подробно описала

сцены «восстания» воспитанниц против существующих в ее учебном заведении порядков. По ее словам, происходящие во всех учебных заведениях события, повлияли на настроения воспитанниц профессиональных курсов института. Возникшие среди девушек волнения, выразились в требовании изменить существующие правила и порядки институтской жизни. Воспитанницы требовали изменений в программе учебных занятий, созыва специальной конференции и разрешения дополнительных отпусков, не установленных Положением о Ксениинском институте.

Выступление воспитанниц было настолько неожиданным, что начальница института княгиня Е.А. Голицына была вынуждена пойти на некоторые уступки, которые могла принять без согласования с правлением и родителями девушек. Ситуация принимала трагикомический характер. С одной стороны девушки требовали изменений в учебном процессе и правилах внутреннего распорядка, с другой стороны, при поступлении и они и их родители знали о том, что это закрытое учебное заведение с особыми известными им правилами и они находились там на полном попечении.

Появление письменного заявления воспитанниц в «Биржевых ведомостях», не только возмутило руководство института, но и поставило перед ними вопрос: как это заявление воспитанниц попало в газету? По мнению Е.А. Голицыной, требования были выражены в форме «несомненного заимствования извне» и составлены при участии и влиянием посторонних лиц, мало знакомых с условиями правил Ксениинского института [4, д. 1905. л. 191].

Дальнейшие события были изложены Е.А. Голицыной, следующим образом: «к изложенным требованиям присоединились все три профессиональных курса, но когда воспитанницы среднего и младшего курсов и одна из воспитанниц старшего курса К. Бойно-Родзевич, начали выражать свое недовольство непристойным поведением и настоятельно стали требовать от меня немедленного удовлетворения их желаний, старший курс, за исключением упомянутой воспитанницы Бойно-Родзевич, отделился от младшего и средних классов и подвергся нападкам со стороны воспитанниц этих курсов — выражавшим им свое

негодование в различного рода унижающих их достоинство словах, таки, что у некоторых воспитанниц старшего курса, по удостоверению врача института, появились заболевания от нервного волнения» [4, д. 1905. л. 192].

Упорство воспитанниц младшего и среднего курсов в своих требованиях, сопровождалось их полным неповиновением существующим в институте порядкам. Не имея возможностей разрешить сложившуюся ситуацию Е.А. Голицына, обратилась к Главному управляющему с просьбой указать способы успокоить воспитанниц. При этом сама Е.А. Голицына была склонна к проведению своеобразного локаута по отношению к воспитанницам. По ее мнению, их следовало немедленно распустить по домам к родителям, родственникам и опекунам, по ходатайству которых они были определены в институт, с тем, чтобы в последствии путем письменного опроса родственников, выяснить возможность и желательность с их стороны дальнейшего продолжения занятий по тем правилам, которые были установлены в институте [4, д. 1905. л. 192].

Однако главноуправляющий, сославшись на отпуск Почетного опекуна, отказался от принятия решения, посоветовав переложить его на правление института. Революция была на подъеме и чиновники ведомства учреждений императрицы Марии, стремились не вмешиваться, предпочитая перекладывать решение острых вопросов на плечи руководителей учреждений.

О неразберихе, царящей в ведомстве учреждений императрицы Марии, говорит сообщение, опубликованное в тех же «Биржевых ведомостях» от 17 ноября 1905 года. В нем говорилось, что «при главноуправляющем собственной Его Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии образована особая комиссия из представителей педагогического персонала ведомства, которой поручено разработать проект изменения уставов как женских институтов, так и гимназий ведомства. Комиссия в данное время занята вопросом о предоставлении педагогическим советам ведомства некоторых автономных начал, и, главным образом, по учебной части. Существующие почетные опекуны по учебной части институтов предложены к упразднению и взамен их учреждаются инспектор по учебной части, в виде ректоров, состоящих при главном управлении.

Хозяйственную часть институтов предполагается также изъять из ведения почетных опекунов и передать ее в распоряжение особых хозяйственных комитетов при каждом институте. Форма правления и заведывания гимназиями ведомства также будет изменена» [2, с. 2]. Однако, в дальнейшем, этот вопрос более не поднимался. Революционная волна, докатившись до самых преданных империи учреждений пошла на спад.

Правление Ксениинского института, в свою очередь, приняло решение о созыве конференции в составе всего преподавательского и воспитательного персонала профессиональных курсов и общих классов [4, д. 1905. л. 192].

В субботу 19 ноября 1905 года в 8 часов вечера в Ксениинском институте прошло заседание конференции, в которой приняло участие 59 человек. Впервые за всю историю существования института преподаватели и воспитатели вынуждены были рассматривать требования воспитанниц профессиональных курсов. Необходимо отметить, что руководство института, ощутив изменение политической обстановки в пользу власти, основательно подготовилось к заседанию, что и позволило перевести тему разговора с обсуждения требований воспитанниц на поиск путей подавления выступления воспитанниц.

Первым было предоставлено слово врачу института, доктору медицины Вильгельму Эдуардовичу Нешелю. В своем выступлении доктор сообщил, что в первой половине ноября нервная система воспитанниц профессиональных курсов была неуравновешенна. По его словам, в медицинский кабинет поступало много обращений от девушек, желающих либо попасть в лазарет, либо получить успокоительные капли. Всего в лазарете находилось до 15 воспитанниц, при этом одна из девушек старшего профессионального курса, поступившая в лазарет 18 ноября, вследствие волнения лишилась способности говорить [4, д. 1905. л. 193].

Таким образом, руководство института стремилось объяснить восстание воспитанниц нервным напряжением и подростковой неуравновешенностью.

Основываясь на «диагнозе» врача института, княгиня Е.А. Голицына предложила распустить воспитанниц по домам до 20 января 1906 года. «Лечение»

восставших предлагалось переложить на плечи их родственников, многие из которых приложили все усилия для определения своих детей или опекаемых в Ксениинский институт. В решении конференции говорилось: «основываясь на заключении врача института о неуравновешенности в высокой степени нервного состояния среди воспитанниц профессиональных курсов... распоряжение начальницы института относительно... отпуска воспитанниц среднего и младшего профессиональных курсов коммерческого, рисовального и рукодельного отделений... до 20 января 1906 года принять к сведению и... в течение этого времени путем письменного опроса, озаботиться выяснением условий о возможности и желательности с их стороны дальнейшего продолжения воспитания по обучению в институте их детей... по тем правилам, которые установлены для Ксениинского института, а также снести с теми правительственными учреждениями, которыми вносится плата за воспитание их пансионеров» [4, д. 1905. л. 194].

Расчет правления института был верен. Опасение потерять с таким трудом полученное место для своих дочерей или опекаемых, стимулировало их родителей или опекунов на соответствующие воспитательные меры. Можно только представить какие сцены разыгрывались в некоторых семьях, получивших письменные запросы от правления Ксениинского института...

Однако если выступление воспитанниц института можно было «списать» на их подростковую неуравновешенность, то политические выступления преподавателей, имевшие место в Ксениинском институте, объяснить нервным срывом было невозможно.

Одним из первых, кто прекратил преподавание в Ксениинском институте по политическим мотивам был известный русский экономист, профессор Владимир Владимирович Святловский. Судьба этого человека была связана со становлением российского профсоюзного движения. С 1890 года он принимал участие в рабочем движении, читая в рабочих кружках лекции по естественным наукам.

В 1891 Владимир Владимирович принял участие в первой маёвке в Екатерингофском парке, в 1892 – во второй маёвке на Крестовском острове. Скрываясь от преследований полиции, уехал из России и поселился в Германии.

В 1897 В.В. Святловский закончил экономический факультет Мюнхенского университета. Защитил докторскую диссертацию «Хозяйственная история древней Руси», получив степень доктора государственного хозяйства. В 1898 он вернулся в Петербург, где участвовал в социал-демократическом движении, примыкая к «экономистам». В 1901 сдал экзамен на звание магистра политической экономии в Петербургском университете и был зачислен приват-доцентом, читая лекции по истории политической экономии. Служил в статистическом отделении министерства земледелия, с 1903 – заведующим статистическим делопроизводстве при министерстве финансов.

С 1905 активно участвовал в создании «Союза союзов» и был избран членом бюро и его казначеем. Принял участие в создании первых легальных рабочих профсоюзов в России.

Известно, что 5 сентября 1905 года, в период своей активной политической и профсоюзной деятельности, В.В. Святловский отказался от проведения в институте занятий по политической экономии и коммерческой географии [4, д. 1905. л. 155].

Однако в бумагах правления сохранились документы об участии группы преподавателей Ксениинского института в организации профессиональных союзов и политических забастовок в декабре 1905 года.

7 декабря в Москве началась всеобщая стачка, которая с 9 декабря переросла в вооруженное восстание. Эти события нашли поддержку среди группы преподавателей Ксениинского института.

10 декабря 1905 года в Правление института поступило три официальных заявления от преподавателя русского языка и словесности Петра Лазаревича Маштакова, преподавателя общего счетоводства, Паисия Ивановича Шелкова и преподавательницы рисования на профсоюзных курсах А.П. Трясовой. Все три преподавателя доводили до сведения руководства института, что в силу решения общего собрания «Союза учащихся в кредитных учебных заведениях» они с 10 декабря примыкают ко всеобщей политической забастовке и прекращают свои занятия в Ксениинском институте [4, д. 1905. л. 205].

Правление института, уже 12 декабря приняло решение не признавать причину пропуска занятий бастующими преподавателями и уволило их со своих должностей [4, д. 1905. л. 206].

История с забастовкой преподавателей Ксениинского института получила свое завершение 28 декабря 1905 года, когда правление института рассмотрело заявление преподавателя коммерческой географии Антония Иосифовича Буковецкого. А.И. Буковецкий заявил о своем отсутствии 10 декабря из «полной солидарности» со своими ранее уволенными товарищами [4, д. 1905. л. 217].

В решении не только указывалась причина увольнения преподавателя, но и давалась политическая оценка произошедшим событиям. Правление заявляло: «не признавая причину пропуска уроков... уважительною, а равно принимая во внимание, что при условиях преподавания, при которых возможно повторение таких пропусков, непрерывность и правильность учебных занятий не могут считаться обеспеченными, что вредно в интересах нормального воспитания и образования вообще, но особенно вредно отражается на строе закрытого учебного заведения, и вследствие сего считая себя обязанными серьезно относиться к этому вопросу в виду большой ответственности лежащей на Правлении института в задачах правильного воспитания и образования девиц, вверенных его полному попечению, – просить Его превосходительство господина Почетного Опекуна, Управляющего Ксениинским институтом, об устранении преподавателя коммерческой географии г. Буковецкого с занимаемой им должности» [4, д. 1905. л. 217].

Это увольнение стало последним показательным актом в борьбе руководства Ксениинского института с революционными выступлениями среди преподавателей. Интересно, что в советский период практически все участники забастовки преподавателей в Ксениинском институте стали известными учеными. П.Л. Маштаков станет известным учёным-филологом, П.И. Шелков – основателем Московского промышленно-экономического техникума (МПЭТ), А.И. Буковецкий – крупнейшим специалистом в области государственных финансов.

Что же касается воспитанниц профессиональных курсов, принявших участие в ноябрьских событиях, то следует обратиться к одному любопытному сообщению, сделанному по итогам переходных экзаменов, проходивших в ноябре 1906 года. 2 ноября 1906 года, правление Ксениинского института получило письмо с просьбой приостановить прием девушек в 7 класс, так как 30% воспитанниц, по итогам экзаменов, было оставлено на второй год [4, д. 2095. л. 126].

Список литературы

1. Биржевые ведомости. – 1905. – №9110 (16 ноября).
2. Биржевые ведомости. – 1905. – №9112 (17 ноября).
3. Канн П.Я. Площадь Труда. – Л.: Лениздат, 1981. – 120 с.
4. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). ф. 9. оп. 1.